

Русская мысль - Париж -
1995 - 27 апр - 3 мая - с 10-11.

Премьер Большого театра

Но с начальством приходилось общаться только мне — у меня был пропуск на «свободный» выход из зоны. Выдавая мне этот пропуск, начальник режима сказал:

— Счастлив твой Бог, что у меня конвоя не хватает, а политотдел да КВЧ (культурно-воспитательная часть) тебя по три раза на дню вызывают... Если б не такая необходимость, черта с два ты со своим вторым сроком, да с твоей статьей получил бы его!

Но пропуск я получил! Больших преимуществ это не давало, но все-таки я мог пойти куда-то, не оглядываясь на идущего сзади «вертухая» и не слушая лагерную «молитву»: «Шаг влево, шаг вправо будет рассматриваться как побег, конвой применяет оружие без предупреждения».

Сколько прекрасных страниц в мировой классике написано о трагедии одиночества, о муках человека, которому не с кем сказать слово, увидеть участие в чужих глазах... В лагере все было наоборот: мы страдали и мучились от того, что НИ МИНУТЫ мы не могли побыть наедине с собой: в бараке, на разводе, у вахты, в столовой, на деревянных тротуарах зоны — все время тебя окружали люди...

Наверное поэтому, получив нежданно-негаданно пропуск, я с вахты не пошел в барак, а направился в ближний лес и, несмотря на мороз, просидел там на пенке до поздней ночи, наслаждаясь одиночеством!

В политотдел, в КВЧ вызывали часто и по разным поводам. Так однажды начальник политотдела, полковник, вызвал, чтобы спросить, почему драматическая труппа театра не ставит «Горе от ума» Грибоедова?

Я сказал, что в нашей труппе нет Чацкого... сказал и, услышав в от-

вет слова полковника, похолодел. Он сказал: «Ну, это не проблема, Чацкого найдем!» Я так ясно себе представил — вот где-то в Москве, Ленинграде, Омске, Казани идет «Горе от ума», Чацкий читает свой монолог «Не образумлюсь, виноват, и слушаю, не понимаю...», а в местных «органах», выполняя «заказ», уже ищут «компромат» на артиста: анекдот рассказал, не хотел на заем подписываться, в общем, как говорили в лагере, «был бы человек, а статья всегда найдется!» Сдавленным голосом я сказал:

— Гражданин начальник! Я тут подумал, может, Беликов сыграет (был у нас такой артист, после освобождения он успешно работал в театре Северного флота).

К счастью, начальство про Грибоедова больше не вспоминало, и все обошлось. Однажды меня вызвали в КВЧ и сказали, что приехала комиссия из Москвы и нужно дать концерт «по первому разряду». Откуда комиссия, я не спросил, да и кто бы мне ответил?!

Я вернулся в зону, сказал всем, что сегодня концерт в клубе Дзержинского, выход к вахте в 18 часов. К этому времени пришел конвой, не наш обычный «театральный» конвой (какое в сущности чудовищное сочетание слов — театр и конвой), а из первого отдела...

Мы вышли к вахте, у ворот раздавался яростный лай служебных собак.

— Господа артисты! Собаки поданы — можем ехать на концерт, — раздавался скрипучий голос Варламова. Все засмеялись...

Минут семь ходу, и мы в «вольном» клубе управления лагеря. Все разошлось по своим уборным одеваться, а ко мне подошел начальник лагеря и сказал:

— Яковлич! Генерал сказал — фамилий не называть!

— Господи! А как же я буду объявлять артистов?

Автор воспоминаний в день освобождения из Ивдельского лагеря. 23 апреля 1955.

— Генерал сказал — по номерам!

Я чуть не упал в обморок: нас трудно было чем-то удивить, но такого еще не бывало! Что ж это за комиссия из Москвы, которой нельзя знать, кто тут сидит? Значит, не из ГУЛАГа! А откуда же?

Я пошел предупредить своих и записать номера, которые мы носили на телогрейках и ватных штанах...

Начался концерт. Первым номером шла увертюра к «Кармен», которую играл наш оркестр. Я объявил:

— Жорж Бизе, увертюра к опере «Кармен», исполняет оркестр театра; дирижирует номер 16879-В.

На сцену вышел Варламов, и вдруг из зала раздался сдавленный женский голос: «Господи! Да это же Варламов из джаза!»

На нее зашикали, а я попытался всмотреться в темноту зала. Где-то в середине сидело человек 60—70 мужчин и женщин... в штатском...

Концерт шел своим чередом, пока в конце первого отделения я не объявил:

— Жюль Массне. «Элегия». Исполняет номер... аккомпанирует рояль номер... виолончель номер...

На сцену во фраке вышел Дмитрий Данилович Головин, почти двухметрового роста с великолепной осанкой, походкой, выправкой...

И тут произошло невероятное — из зала понеслись крики:

— Здравствуйте, Головин! Bravo, Головин! Привет, Головин!

Я скосил глаза на «правительственную ложу» — лагерное начальство сидело мрачнее тучи.

— Ну, сейчас прекратят концерт и нас отправят в зону, — подумал я и еще подумал:

— Сможет ли Батя (так мы между собой звали Головина) петь? Сдавит горло — и все!

Но Головин справился с волнением и запел — а нас не отправили в зону. Видимо, комиссия была с такого «верха», что наше лагерное начальство было бессильно (позже выяснилось — это была комплексная комиссия Академии наук, занимающаяся какими-то изысканиями. К лагерю отношения они не имели, но в тех краях лагерь был хозяйном жизни — у него был транспорт, гостиницы, столовые, рабочие, — дали команду «сверху»), и все делалось «по первому разряду», в том числе и концерт для них).

А Головин пел. Он спел арию Онегина, арию Мазепы, два романа Рахманинова, песню про казака Голоту (он ее и в фильме пел — за кадром). Его не отпускали...

Наконец я объявил антракт, закрыли занавес, я вышел за кулисы, а там творилось такое... Вся московская комиссия ринулась на сцену! Конвой с автоматами наперевес никого к нам не подпускал, а старший

конвоя, сержант, бегал вдоль кулис и орал:

— Отойди! Стрелять будем! Назад!

В ложе поняли всю скандальность происходящего, вскоре прибежал начальник театра, что-то шепнул сержанту и... всех москвичей пропустили к нам. Женщины окружили Варламова, громко вспоминая летние вечера в «Эрмитаже», зимние — в Колонном зале, его песни, его джаз и его солистку, негритянку из Америки Целестину Коол. (Кажется, из-за нее он и погорел. Ну, как же, американская шпионка завербовала его!)

Я посмотрел — где Головин? Он стоял, обнявшись с каким-то солидным мужчиной, и оба... плакали. Я подошел поближе и вдруг услышал.

Мужчина спрашивал Головина:

— Дима! Где я тебя слушал в последний раз?

— Ну как же, Толя, — в Гранд Опера, я Фигаро пел. Говорили мне на следствии, что в зале сидели Деникин и Кутепов, как будто я их приглашал!

Я увидел, что москвичи стараются сунуть в карманы артистам деньги.

— Это зря, — сказал я, — у нас уже коммунизм — нам ничего не продают!

Стоявший рядом с Головиным мужчина, явно главный среди всех (потом я узнал, что это был академик А.П.Александров, впоследствии много лет президент Академии наук), сказал:

— Быстро в гостиницу!

Все куда-то убежали. Гостиница была рядом с клубом, и скоро они вернулись с полными руками московских продуктов: сгущенка, масло, сыр, изюм, конфеты... Да мы годами не видели этого...

Все свалили на стол, позже наши женщины все забрали, на вахте не «шмонали». Наш начальник сказал, что генерал велел все пропустить в зону. Дней пять никто из театра не ходил хлебать лагерную баланду — мы наслаждались московскими дарами.

Наутро я отменил все репетиции — в театре царил такое уныние, что репетировать было бесполезно — мужчины нервно курили, женщины плакали, и отовсюду слышались вопросы:

— За что? Кому это нужно?

Но кто тогда мог ответить на эти вопросы?!

Москва

Печатается в сокращении. Окончание. Начало в «РМ» №4073.

В очерке использованы некоторые материалы, собранные сотрудниками Ставропольского краеведческого музея Н.Диколовой и В.Госданкер.